
Д.Ю. ВАЩЕНКО

**ЛЕКСИКА ПОХОРОННОЙ ОБРЯДНОСТИ
ГРАДИЩАНСКИХ ХОРВАТОВ ВЕНГРИИ И ЮЖНОЙ
СЛОВАКИИ В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ**

Градищанскохорватский этнос проживает в условиях анклавного существования начиная с XVI в. В статье мы бы хотели рассмотреть лексику градищанскохорватской похоронной обрядности на фоне соответствующей терминологии венгерского, немецкого и словацкого языков, поскольку носители данных языков составляют ближайшее этническое окружение территории, где проживают градищанские хорваты.

Материалом для исследования послужили, с одной стороны, полевые записи, сделанные во время этнолингвистического обследования А.А. Плотниковой и Д.Ю. Ващенко градищанских сел в 2017, 2018 и 2019 гг., с другой стороны, опубликованные источники, к которым относятся диалектные и этимологические словари словацкого, немецкого и венгерского языков, а также различные этнографические описания соответствующих традиций. Кроме того, для словацкого языка нами в ряде случаев привлекаются данные непрофессиональных диалектных описаний, т. е. словарей, размещенных на интернет-страницах тех или иных сел.

Кратко очертим полевые данные, которыми мы будем оперировать, – в 2017–2019 гг. нами были обследованы следующие градищанские села: в 2017 г. Среднее Градище (Западная Венгрия), села Унда (Unda, венг. Und), Присика (Prisika, венг. Peresznye), Хрватски Жидан (Hrvatski Židan, венг. Horvátzsidány) и Плайгор (Plajgor, венг. Ólmod), в 2018 г. Северное Градище (Юго-Западная Словакия): Яровце (Jandorf, слов. Jarovce), Чуново (хорв. и слов. Čunovo), Хрватски Гроб (Hrvatski Grob, слов. Chorvátsky Grob) и в 2019 г. – Южное Градище (Западная

DOI: 10.31168/91674-564-1.6

¹ Авторская работа выполнена при поддержке РНФ в рамках проекта № 17-18-01-373 «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования».

Венгрия), села Нарда (Narda, венг. Narda), Горни Четар (Horni Četar, венг. Felsőcsatár), Хрватске Шице (Hrvatske Šice, венг. Horvátlövő) и Петрово Село (Petrovo Selo, венг. Szentpéterfa)². Жители этих сел, как правило, билингвальны, хорватский идиом используется ими для внутрисемейного общения, а также для коммуникации в пределах села, а венгерский / словацкий, т. е. государственный язык, – для официального общения, а также для коммуникации с представителями младшего поколения, которые владеют хорватским лишь пассивно, на уровне понимания обращенной речи.

Сделаем несколько оговорок по поводу территории, для которой мы будем приводить данные о распространности той или иной лексемы. Во-первых, в сферу рассмотрения не попадает территория собственно Хорватии, а также смежный с ней словенский ареал, часть соответствующих лексем картографирована в Плотникова 2004, при этом мы будем стремиться проводить параллели между нашими данными и соответствующей зоной Южной Славии. Во-вторых, для австрийской территории мы будем стараться давать в основном лексемы, характерные для австрийцев Бургенланда, т. е. для восточной Австрии: в случае если соответствующее обозначение будет носить общевстрийский / общенемецкий характер, мы будем оговаривать это специально. Наконец, мы достаточно ограниченно будем здесь рассматривать венгерскую лексику Трансильвании, этот ареал часто заслуживает специальных комментариев и, кроме того, расположен достаточно далеко от Бургенланда (Градища), который в данном случае находится в фокусе нашего внимания.

Сохранность погребальной традиции у венгерских градищанцев невелика. Так, умирающему, когда тот уже находился в агонии, давали в руки освященную (как правило, на *Громницы*, 2.02) свечу и окропляли его святой водой. После того, как человек умирал, в доме открывали все окна и двери, чтобы душа смогла вылететь вон, а также завешивали зеркала. Еще в 1950–60-е гг., когда покойник до похорон находился в доме, в течение двух дней ближайшие родственники пребывали возле него и молились. Кроме того, существовала также традиция оплакивания покойника, когда исполнялись специальные голошения (об этом информанты упоминали значительно реже). Когда покойника несли на кладбище, гроб ставили на носилки, которые затем оставляли на кладбище

² <https://inslav.ru/event/ekspediciya-instituta-slavyanovedeniya-k-gradishchanskim-horvatam-vengrii>
<https://inslav.ru/event/ekspediciya-instituta-slavyanovedeniya-v-slovakiyu>
<https://inslav.ru/event/ekspediciya-k-gradishchanskim-horvatam-zapadnoy-vengrii-okrestnosti-sombatheya>

(ср. аналогичную практику в Северной Хорватии (район г. Загреб), где подобные носилки назывались *štokrle* (Rajković 1974: 193)). В с. Хвататске Шице при этом покойника хоронили иначе, нежели это было принято в других селах, т. е. в положении ногами по направлению к кресту: «Гроб у нас иначе кладут в могилу. У нас голова там, где обычно ноги, чтобы, когда мертвые восстанут из могил, он мог бы встать и видеть крест и солнце» (ДК). У южных градищанцев Венгрии (с. Нарда, Горни Четар, Хвататске Шице, Петрово Село) надгробный памятник обозначали словом *kerst / karst* ('крест'), даже в том случае, когда он не имел форму креста. После похорон следовали поминки, которые ранее проводились в доме умершего (*karmina*), однако в последнее время усиливается тенденция проводить их вне дома. Кроме того, в рамках общей католической традиции, в календаре существовали специальные поминальные дни: 1 ноября *Si sveti* [Все святые], когда обычно посещали кладбище, куда относили венки, вечером дома зажигали свечи, и 2 ноября, *Mrtvi god* (Словакия, Северное Градище), *Mrtvi dan* (*Mertvi dan*, *Martvi dan*) или *Dan mrtvih* (*Dan mertvih*, *Dan martvih*) [Мертвый день / День мертвых] (Венгрия, Среднее и Южное Градище), в этот день утром отправлялись в церковь на службу, затем шли на кладбище, жгли свечи и молились. Градищанцы Словакии 1 ноября выпекали *halinge* – специальный хлеб, которым в этот день одаривали бедняков. Кроме того, у градищанцев Словакии в течение восьми дней начиная с 1 ноября следовало каждый день посещать кладбище.

Далее мы рассмотрим некоторые термины похоронной обрядности в том порядке, в каком они приведены в использованном при работе вопроснике (Плотникова 2009).

Агония

При полевом обследовании градищанцев Венгрии специального термина нам не встретилось, в «Градищанскохорватско-хорватско-немецком словаре» зафиксирован ряд опосредованных обозначений, ср.: *biti jednom nogom u grobu / biti na rubu groba* [быть одной ногой в могиле]; *onkraj groba* [на краю могилы] (GHNR: 170). В немецком представлена номинация *Todeskampf* 'смертная борьба', в словацком употребляется коррелирующее с немецким выражение *smrteľný zápas* [смертельная / смертная борьба] (SP). Для венгерского отмечается *haldoklás*, производное от 'смерть' (само слово *hal*, *meghal* [умереть] имеет общеуральское происхождение, ср. Benkő 1993: 516; ESZ06), на востоке Венгрии также распространен глагол *harcolni* 'находиться в агонии', досл. 'бороться' (Tájszótár 1898), что по внутренней форме также составляет определенную параллель *Todeskampf*.

Похороны, погребение умершего

Для градищанских хорватов, по нашим полевым наблюдениям, основной является лексема *pokop* (*puokop*) (ср. также в «Градищанскохорватско-хорватско-немецком словаре»: *pokop* ‘pogreb’, с синонимами *ukop* и *pogreb* (GHNR: 468), глаголы *pokopati*, *zakopati*, внутренняя форма ‘зарыть’). У словацких хорватов соответствующая реалья обозначается той же лексемой: *pogreb* (с. Хрватски Гроб, Domaracká 2001: 187), *pugrieb* (Яровце), а в с. Петрово Село – лексемой *sprohod* с внутренней формой ‘идти, шествовать’, в хорватских толковых словарях в соответствующем значении приводятся лексемы *pokop*, *ukop*, *pogreb*, а также лексема *sprovod*, с внутренней формой ‘отвести, проводить’.

В венгерском языке в качестве основного представлено существительное *temetés* ‘похороны’, производное от глагола (*el*)*temet*, имеющего, по данным словарей, финно-угорскую основу и восходящего к глаголу *töm* ‘наполнять, набивать’ (Benkő 1993: 1500; ESZ06), в Юго-Западной Венгрии в аналогичном значении представлена также лексема *elboronál* (Tájszótár 1898), с корнем, очевидно, славянским по происхождению, а в Восточной Венгрии – лексема *elföldel*, от *föld* ‘земля’, досл. ‘заземлить’ (Kálnási 2005: 190).

В словацком языке соответствующее значение выражают существительное *pohreb*, внутренняя форма ‘закопать, зарыть’ (Западная и Средняя Словакия), и глагол *pochovat’* ‘спрятать’ (Западная и Средняя Словакия) (SS, NS). Аналогичная словацкой лексема представлена в хорватском языке, *pogreb* носит практически общехорватский характер. Для востока словацкой языковой территории характерны существительное *chramba*, *chranba* и глагол *pochránit’* (внутренняя форма ‘сохранить’) (Nižnanský 2007: 134). Для австрийской территории основным является *Lei(c)h*, при общенемецком *Begräbnis*, от глагола *begraben* ‘хоронить’, досл. ‘закапывать’ (MB).

Мы видим определенный семантический параллелизм между градищанскохорватской, словацкой и немецкой терминологией, а также параллелизм формальный между терминологией собственно хорватской, словацкой и немецкой; для венгерского языкового ареала сохраняется собственная модель, за исключением юго-западных территорий, прилегающих к Хорватии.

Гроб

У венгерских градищанцев (с. Унда, Присика, Хрватски Жидан / Нарда, Горни Четар, Хрватске Шице и Петрово Село) гроб обозначался термином *li(j)es / list*, унаследованным из хорватского языка с первичной территории проживания, с первоначальной внутренней формой лексемы ‘лес’, т. е. дерево, материал, из которого был сделан гроб (Skok 1973: 298). «*Lis* ставили на носилки и так несли на кладбище, а потом эти носилки остав-

ляли на кладбище» (ЭК, КК). Иная ситуация у словацких градищанцев – так, в сс. Яровце и Чуново основным для гроба является номинация *škrinja* ‘ящик, сундук’, также южнославянская по происхождению. Кроме того, в с. Хрватски Гроб встречаются номинации *rakva* и *truhla*, которые, по всей вероятности, являются заимствованиями из словацкого (см. ниже). В «Градищанскохорватско-хорватско-немецком словаре» приводятся термины *lijes* и *škrinja*: ср. *lijes*, ср. «*lijes m.*, usp. *škrinja* ** *liēs* – *Sarg m.*» (GHNR: 281), *škrinja* ‘Lade, Truhe, Schrein, Sarg’ (GHNR: 679), в (HR) термин *škrinja* отмечается, однако приводится с важной для наших полевых исследований пометой «reg., arh.» [устаревшее, архаичное], ср.: ‘1. *etnol. jak, često okovan i ukrašen sanduk u kojem se drži rublje, razni pohranjeni predmeti, dokumenti itd.* 2. *reg. arh. sanduk u kojem se sahranjuje umrli; mrtvački sanduk [mrtvačka škrinja]*’; *lijes* [1. *этнол. крепкий, часто окованный и декорированный ящик, в котором хранится белье, различные предметы, документы и т. д.* 2. *рег. арх. ящик, в котором хоронят умершего; гроб*].

В словацком языке представлены четыре основные номинации: 1. общелитературное *rakva* (из гот. **arko*, Skok 1973: 28; аналогично серб. *рака*, мы полагаем, что в с. Хрватски Гроб скорее можно говорить о заимствовании термина из словацкого, нежели о наследовании с первичной территории проживания хорватов); 2. в Западной и Средней Словакии также употребляется термин *truhla*, от нем. *Truhe* ‘ящик’; 3. на юге Средней Словакии встречается также *lada*, из венг. *láda* ‘ящик’; 4. в восточной Словакии распространен термин *truna*, также производный от *Truhe*.

В венгерском языке основным и общераспространенным является термин *koporsó*, представляющий собой раннее (вошедшее в язык до переселения в Паннонию) заимствование из тюркских языков, где соответствующая лексема употреблялась в значении ‘ящик’ (Benkó 1993: 793; ESZ06). У австрийцев Бургенланда основным термином для гроба является *Sorg* (литер. *Sarg*), от лат. *sarcophagus* (DWDS).

В данном случае градищанскохорватский ареал, наследующий лексему с территории первичного проживания, отличается от словацкого, венгерского (и немецкого) в плане внутренней формы термина: если у хорватов номинация происходит по материалу, из которого сделан гроб, то в соседних ареалах на первый план выступает его функциональная предназначенность; кроме того, характерно, что у словаков, немцев и венгров обозначения гроба, как правило, представляют собой заимствования из других языков, в то время как хорватский язык сохраняет общеславянскую лексему.

Могилы

У градищанцев Венгрии во всех обследованных селах представлена лексема *grob*, аналогичная общехорватской форме, ср. в электронной

базе толковых и этимологических словарей хорватского языка для *grob* – «*jama u koju se polažu posmrtni ostaci pokojnika [položiti u grob]; raka*» [яма, в которую кладут останки, могила]. В «Градищанскохорватско-хорватско-немецком словаре», в свою очередь, приводится несколько фразеологизмов и устойчивых словосочетаний с *grob* ‘могила’: *biti jednom nogom u grobu / biti na rubu groba* ‘быть одной ногой в могиле’; *kopati sam sebi grob* ‘копать себе могилу’; *onkraj groba* ‘на краю могилы’; *sve do groba* ‘до гробовой доски’ (GHNR: 170).

В словацком языке практически повсеместно распространен термин *hrob*, а в немецком, в т. ч. на австрийской территории, термин *Grab*.

В венгерском языке в качестве основной представлена лексема *sír*, по всей вероятности, финно-угорского происхождения (Benkő 1993: 1332; ESZ06), в северо-восточной Венгрии в аналогичном значении возможны также номинации *halott haza* ‘дом покойника’, *halóföld* ‘мертвая земля’ – ср. о символике могилы (серб. *кућа*, полес. *xama*) и кладбища (рус. *погост*) как дома для мертвых: Плотникова 1999: 503, также Плотникова 2004а: 266.

Градищанскохорватский, с одной стороны, наследует общехорватскую лексему, с другой – объединяется в этом плане с немецким и словацким: во всех трех языках зафиксированы омонимичные родственные по происхождению лексемы, в венгерском соответствующий термин также является архаичным по происхождению, и корреляций со славянскими языками / с немецким языком, несмотря на общность ареала, здесь не наблюдается; вместе с тем часть опосредованных венгерских номинаций, представленных главным образом на востоке ареала, соотносится с соответствующей славянской моделью ‘могила – дом для умершего’.

Кладбище

В градищанскохорватском здесь представлены лексемы латинского происхождения *cinter*, *cintir*, *cimitir*, *cimitor*, *cimiter* (Словакия и Венгрия) – ср. *cimitor* ‘кладбище’ (GHNR: 76). При этом на собственно хорватской территории распространена также лексема *groblje*, от *grob* ‘могила’. В HR приведена лексема *cimiter* с пометой «reg, zast.» [диалектное, архаичное], что еще раз показывает сохранность архаической лексики в хорватских анклавах бывшей Австро-Венгрии. В Австрии основным обозначением для кладбища является общенемецкая номинация *Friedhof* (в Бургенланде *Freithof*), от древневерхнемецкого *frithof* (от глагола *frīten* ‘ухаживать’), которое первоначально обозначало области вокруг церкви. Переход к внутренней форме ‘двор усопших’ произошел в результате деэтимологизации исходного корня (DWDS). В Словакии распространены три лексемы: латинские *cintorín*, *cinter* и *hrobitov*; последнюю С.М. Неверкла

считает германизмом и возводит к трансформированному *Friedhof* (аналогично *hřbitov* в чешском языке) (Newerkla 2011: 178).

Для венгерского наиболее распространенной является лексема *temető*, которая, по данным венгерских этимологических словарей, является субстантивированным причастием от глагола *temet* ‘хоронить’. В источниках XVI–XVII вв. данное слово выступает еще в составе номинаций *temető föld* досл. ‘похоронная земля’, т. е. земля, предназначенная для похорон, *temetőhely* ‘место, предназначенное для похорон’ (Benkő 1993: 1500; ESZ06). В Восточной Венгрии представлено также латинское по происхождению *cinter*, *cinterem*. При этом в этимологических словарях указывается, что словом *cinterem*, как правило, обозначается только кладбище, примыкающее непосредственно к церкви (Benko 1993: 173; ESZ06).

В данном случае наблюдается распространенность латинской лексемы в достаточно обширном градищанскохорватско-словацко-венгерском ареале, при этом в словацком параллельно представлено заимствование из немецкого языка, а в венгерском – лексема с общеуральским корнем, при этом можно видеть определенный семантический параллелизм между старым венгерским наименованием *temető föld* ‘похоронная земля’, *temetőhely* ‘место для похорон’ и немецким *Friedhof* уже в деэтимологизированном варианте, т. е. как ‘двор усопших’, которое в свою очередь заимствовалося словацким языком, где подверглось новой этимологизации.

Бодрствовать при покойнике

Для выражения данного значения в градищанских селах Венгрии и Словакии представлено наибольшее разнообразие номинаций: наряду с *dvoriti* ‘сторожить’ (Skok 1973: 476), мы находим также *verestovati* (Нарда, Горни Четар), *boktati* / *bohtati* (Хрватске Шице) / *boftati* (Петрово Село). В (GHNR: 63) приводятся глаголы *boktati* / *stražariti* ‘сторожить’, терминологически они не привязаны к погребальной обрядности. *Verestovati* в данном словаре отсутствует. В полевых условиях фиксировалось: «Раньше покойник оставался дома, при нем молились, и зеркала завешивали» (ЗХ); «Наши родители, когда умерли, были дома, два дня, сорок восемь часов, я жила посреди села, и через все село несли их на кладбище»; «*Dvorenje* было прежде, 50–60 лет назад; когда мой отец умер, он лежал дома, и мама тоже, а муж уже не дома. Приходили молиться и сидеть при нем (*dvoriti*)» (МВ); «Когда кто-то умирал, шли *verestovati*, это происходило дома. Молились, это и было *verestovanje*, и покойник тогда находился дома» (ЕК, КК); «Когда человек уже умер, *bohtali* в доме, и когда мы *bohtali*, мы молились и плакали. А теперь мы *bohtamo* в церкви» (ВМ).

При этом термин *verestovati* характерен не только для южных градищанцев: так, он встречается также в северо-западной Хорватии (Perić 2016: 58) – ср. о проникновении унгаризмов в сферу погребальной лексики в Прекмурье в Пилипенко, Ясинская 2018: 62. Другими хорватскими терминами являются *bdjenje* с внутренней формой ‘бодрствовать, не спать’ (ср. в HR толкование соответствующей лексемы: «1. (*gl. im.*), *v. bdjeti* 2. *nepavanje*, *budnost* 3. *kat. a. dan* odnosno *noć uoči* neke *svetkovine* *b. meton.* *uobičajena* *vjernička aktivnost* *toga dana/noći*: *bdjenje* *i* *pritom čitanje* *ulomaka iz Svetog pisma*, *psalama* *i* *molitva* *u tišini* [1. *девербатив* от *bdjeti* ‘бодрствовать’ 2. *Отсутствие сна, бодрствование* 3. *катол. а. день или ночь накануне какого-то торжества* *b. перен.* *традиционная религиозная деятельность в этот день / ночь: бодрствование и чтение в тишине фрагментов из Священного Писания, псалмов и молитв*])» и *čuvanje* с внутренней формой ‘хранить, беречь’, однако у градищанских хорватов на обследованной территории они не встретились.

В австрийском Бургенланде основной является лексема *vawochtn* ‘сторожить, охранять’ – термин *boktati / bohtati / boftati*, представленный в сс. Хрватске Шице и Петрово Село, а также зафиксированный в GHR, по всей вероятности, является заимствованием и восходит к *vawochtn*. В словацком ареале представлены лексемы с внутренней формой ‘сторожить, охранять’ *strážil’* (Западная Словакия), а также заимствованное из немецкого *vachtaric* с аналогичной внутренней формой (Восточная Словакия).

В венгерском чаще всего в данном значении употребляется лексема *virrasztani* ‘бодрствовать’, досл. ‘зоревать’, от *virradat* ‘рассвет’ (Benkő 1993: 1641; ESZ06), в чем можно усмотреть определенную семантическую параллель с общехорватским *bdjenje*. В Южной Венгрии представлены также германизмы *bertákol* (Kiss 1979: 24) / в Трансильвании *bertáfol*, в Западной Венгрии (район г. Веспрем) *verázsol* (Kiss 1979: 72).

Мы видим, что соответствующая градищанскохорватская лексика в плане внутренней формы образует единый ареал с немецкой (австрийской) и словацкой, где у глаголов представлена внутренняя форма ‘охранять, сторожить’. В свою очередь, на венгерской территории распространены глаголы и производные от них *девербативы* с внутренней формой ‘бодрствовать, зоревать’, которые коррелируют с общехорватскими. При этом как в градищанскохорватском, так и в словацком, наряду с лексикой славянского происхождения, в соответствующем значении заимствуется немецкий глагол с корнем *wacht-* и идентичной внутренней формой – *boktati / boftati*, как и восточнословацкое *vachtaric*. В отдельных градищанских селах, расположенных на территории Венгрии, представлено заимствование из венгерского – лексема *verestovati* от венг. *virrasztani* (в языке-источнике обладающего иной

внутренней формой), при этом аналогичные заимствования из венгерского встречаются также в северо-западной Хорватии.

Погребальный плач, голошение по умершему

В градищанских селах, как правило, представлен оноματοпоэтический глагол *jaukati* (GHNR: 218), от междометия *jaj* ‘ай’, выражающего грусть, сожаление, что последовательно фиксировалось при полевом обследовании сел (ср. то же на территории градищанских хорватов Австрии – Плотникова 2016: 155–156).

В словацком ареале соответствующая лексика достаточно разнообразна по внутренней форме: общесловацким является глагол *nariekat'* с внутренней формой ‘жаловаться’, ср. также *narekovati* в Западной Хорватии и Словении (Плотникова 2004b: 182; в Южной Славии, однако, соответствующий глагол связан с семантикой перечисления (достоинств умершего), но не с семантикой жалобы, сожаления). В Средней Словакии употребляется также глагол *vukladat'* (‘объяснять, рассказывать’ (PSS): в данном случае возможна связь с семантикой перечисления, характерной также для Южной Славии, ср. Плотникова 2004b: 181), а в Восточной Словакии – глагол *bože(n)kat'*.

Для венгерской языковой территории основным является оноματοпоэтический глагол *jajgat*, точно так же, как *jaukati*, производный от междометия *jaj* (т. е. ‘ай’) (Benkő 1993: 636; ESZ06), обозначающего сожаление; на юге Венгрии в аналогичном значении представлен глагол *bozsékol* (Molnár 2009: 24), и в Трансильвании – глагол *veszékel*, от *vesz*, *veszély* ‘опасность’.

У австрийцев Бургенланда мы также видим оноματοпоэтическую по своему характеру лексему *jammern* ‘ныть, плакать, жаловаться’.

Венгерский ареал объединяется здесь с австрийским и градищанскохорватским, который, в свою очередь, наследует хорватскую лексему – ср. про распространенность в соответствующем значении глагола с оноματοпоэтической мотивацией в Западной Хорватии и Словении в Плотникова 2004b: 181, ср. также в Плотникова 2016: 156 о корреляциях градищанского термина *javkat* и соответствующей хорватской лексики в р. Йосипдола. В данном случае логично было бы предположить славянское влияние на венгерскую традицию, которая оказала поддерживающее воздействие на сохранение соответствующей лексики у градищанских хорватов.

Поминки

У градищанцев представлено общее название *karmina* (у градищанцев Словакии *karminja*), которое объединяет их с Западной Словакией, где распространена номинация *karmina*, а также родственные *kara*,

nakara, ср. форму *karmine*, зафиксированную в лексикографических описаниях градищанскохорватского (GHNR: 231). Термин *karmina* распространен также в Западной Хорватии и Словении и у градищанских хорватов Австрии (Плотникова 2004: 188; Плотникова 2016: 155–156). При этом информанты подчеркивают, что прежде поминки проводились дома, а теперь если и проводятся, то уже в более официальной обстановке, в кафе или ресторане: «*Karminja* была после похорон, во дворе мы ставили стол, и за ним сидели те, кто был на похоронах» (МН), «*Karmine* были после похорон, мы приглашали односельчан, родственников, но теперь это прекратилось уже» (ВМ). «А прежде было так, что, пока покойник находился в доме, никто не мог войти внутрь, только священник и родственники, а когда уже похоронят, остальные приходили в следующее воскресенье на *karminu* (ВМ)».

Кроме того, в средней Словакии представлены лексемы *napodušie* (также *podušie*, *zádušnie*) (Nižnanský 2007: 134), в восточной Словакии – *hostina* (Nižnanský 2007: 134), *umorky* (SSK), *komašna* (Sabolová 2004: 37).

Для венгерского ареала основной является лексема *tor*, которая первоначально употреблялась для обозначения любой торжественной трапезы (ср. в языке традиционной культуры *disznótor* ‘праздник по случаю первого убийства свиньи’) и лишь позднее стала использоваться для обозначения трапезы поминальной. Происхождение термина, по данным этимологических словарей, является спорным – оно могло представлять собой как производную от *torok* ‘горло’, т. е. место, куда попадает пища, так и ранний тюркизм – ср. (Benkő 1993: 1531, ESZ06). В Южной Венгрии также в отдельных селах представлены славизмы *datya* – ср. серб. *daša* от глагола ‘дать, давать’ (Skok 1973: 382; Плотникова 2004: 187). У австрийцев Бургенланда представлена лексема *tau*, по всей вероятности, заимствованная из венгерского. В данном случае градищанскохорватская лексика коррелирует с западнословацкой, поскольку и там, и там представлено латинское заимствование *karmina*, *kara*, а восточноавстрийская – с общевенгерской (*tor*), где австрийская диалектная лексема, по всей вероятности, является унгаризмом.

Мы видим, что в лексике похоронной обрядности в рассматриваемом ареале наблюдается несколько основных тенденций.

Во-первых, градищанскохорватский ареал во многом наследует общехорватскую терминологию (исключение составляют термины, обозначающие бодрствование при покойнике, где к тому же наблюдается наибольшее варьирование возможных лексем).

Во-вторых, градищанскохорватский ареал объединяется с немецким и западнословацким – как в плане внутренней формы определенных лексем, так и в плане непосредственных заимствований из немец-

кого, представленных в отдельных градищанских селах и в некоторых словацких диалектных зонах.

В-третьих, здесь наблюдается определенное количество слов латинского происхождения, также объединяющих хорватский и западно-словацкий ареалы, к которым примыкает западно- и восточновенгерский – при том, что в венгерском ареале наиболее распространенная лексика соответствующего пласта, как правило, имеет общеуральскую основу. В ряде случаев (агония, поминки) венгерский ареал объединяется с австрийским Бургенландом.

В целом лексика архаического ареала градищанских хорватов, сохраняющих свою культурно-языковую традицию в условиях анклавного проживания, позволяет более наглядно показать параллелизм и определенное сходство номинаций между Западной и Юго-Западной Славией. Рассмотрение в ареальном аспекте терминологии иных областей традиционной духовной культуры градищанцев составляет общую перспективу исследований в данной области.

Литература и источники

Пилипенко, Ясинская 2018 – *Пилипенко Г.П., Ясинская М.В.* Язык и культура словенцев в Прекмурье и Порабье // *Славяноведение*. 2018. № 6. С. 60–73.

Плотникова 1999 – *Плотникова А.А.* Кладбище // *Славянские древности*. М., 1999. Т. 2. С. 503–507.

Плотникова 2004а – *Плотникова А.А.* Могила // *Славянские древности*. М., 2004. Т. 3. С. 266–272.

Плотникова 2004б – *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

Плотникова 2009 – *Плотникова А.А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканского ареала. М., 2009.

Плотникова 2016 – *Плотникова А.А.* Славянские островные ареалы: Архаика и инновации. М., 2016.

Bálint 1970 – *A szegedi népnyelv jövevényszavai* // *Magyar nyelvőr*. 1970. 94. 345–347 old.

Benkő 1993 – *Benkő L.* Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Budapest, 1993.

Biškup 2013 – *Biškup V.* Međumurje – narod, običaji, arhitektura // *Radovi Zavoda za znanstveni rad HAZU*. Varaždin, 2013. № 24. S. 399–421.

Chorváthová 1990 – *Chorváthová L.* Smrť // *Etnografický atlas Slovenska*. Bratislava, 1990. 74, mapy 17–24.

Domaracká 2001 – *Domaracká J.* Pohrebná obradovosť v obciach s chorvátskym osídlením na Slovensku // *Obyčajové tradície pri úmrtí a pochovávaní na*

Slovensku s osobitným zreteľom na etnickú a konfesionálnu mnohotvárnosť. Bratislava, 2001. S. 185–195.

Dusper-Bašić 2013 – *Dusper D. I., Bašić M.* Rječnik crikveničkoga govora. Crikvenica, 2013.

DWDS – Толково-этимологический словарь немецкого языка: <https://www.dwds.de/wb>

ESZ06 – Etimológiai szótár. Magyar szavak és toldalékok eredete. Főszerk. Zaicz Gábor. Budapest, 2006.

GHNR – Gradišćanskohrvatsko-hrvatsko-nimški rječnik / Red. N. Bencsics, B. Finka, I. Szucsich, A. Šojat, J. Vlasits, S. Zvonarich et al. Zagreb; Eisenstadt, 1991.

Hesz 2009 – *Hesz A.* Élők, holtak és adósságok. A halottak a hidegségi társadalomban. PhD dolgozat. Pécs, 2009.

HR – онлайн-база, основанная на словарях хорватского языка Rječnik hrvatskoga jezika V. Anić (I. izdanje 1991, II. izdanje 1994, i III. izdanje 1998); Pravopis hrvatskoga jezika V. Anić – J. Silić (2001); Veliki rječnik hrvatskoga jezika V. Anić (2003. priredila Ljiljana Jojić); Kronologija – Hrvatska, Europa, Svijet (grupa autora, urednik I. Goldstein; Rječnik stranih riječi Anić – Goldstein (I. izdanje 1998, II. izdanje 2000); Hrvatski enciklopedijski rječnik (uređivački odbor: prof. dr. Vladimir Anić, prof. dr. Ranko Matasović, prof. dr. Ivo Pranjković, dr. Dunja Brozović Rončević, prof. dr. Ivo Goldstein, Slavko Goldstein, mr. Ljiljana Jojić, Ljiljana Cikota; 2003): <http://hjp.znanje.hr/index.php?show=legenda>

Kálnási 2005 – *Kálnási A.* Deberceni civis szótár. Debrecen, 2005.

Kiss 1979 – *Kiss Jenő.* Mihályi tájszótár (Rábáköz). Budapest, 1979.

Klier 1963 – *Klier Karl M.* Sterben, Tod und Begräbnis im Burgenland // Burgenländische Heimatblätter. Bd. 25 (1963). S. 29–41.

LK – <https://www.ludovakultura.sk/polozka-encyklopedie/pohreb/>

Marošević 2005 – *Marošević G.* Naricanje u Hrvatskoj u povijesnom kontekstu // Narodna umjetnost. 2005. № 42/2. S. 39–48.

MB – Диалектний словарь австрийского Бургенланда: <https://www.mundart-burgenland.at/woerterbuch.php>

Molnár 2009 – *Molnár Csikos L.* Bozsékol // Magyar szó. 2009. № 66/165. 24 old.

Murádin 1963 – *Murádin L.* Nyelvjárási szövegek és tájszavak // Magyar nyelvjáráások. 1963. 177–181 old.

MNySz 1863 – A Magyar nyelv szótára. Szerk. Czuczor G., Fogarassy J. Budapest, 1863. <http://szojelentese.com/magyar/>

NS – <https://www.narecie.sk/koma%C5%A1%C5%88a>, <https://www.narecie.sk/vychodniarsky-slovník/pismo-v>

Newerkla 2011 – *Newerkla S.M.* Sprachkontakte Deutsch-Tschechisch-Slowakisch Wörterbuch der deutschen Lehnwörter im Tschechischen und Slowakischen: historische entwicklung, Beleglage, bisherige und neue Deutungen. Peter Lang GmbH. 2011.

Nižnanský 2007 – *Nižnanský J.* Kar a s ním súvisiace názvoslovie // Tradícia v slove, slovo v tradícii / Inšpiratívny Jozef R. Nižnanský. Zost. Ľ. Dvornická, M. Smatana. S. 133–136.

ODEW – Австрийско-немецко-английский онлайн-словарь: http://www.fim.uni-linz.ac.at/Woerterbuch_oesterr_deut_englisch.htm

Perić 2016 – *Perić T.* Tradicijska glazba i običaje Sjeverozapadne Hrvatske. Diplomski rad. Čakovec, 2016.

PSS – Pohorelsko-slovenský slovník: <https://www.pohorela.sk/obec/o-obci/pohorelske-narecie/pohorelsko-slovensky-slovník-116sk.html>

Rajković 1974 – *Rajković Z.* Narodni običaji okolice hrvatski časopis za etnologiju i folkloristiku. 1974. Vol. 10. No. 1. S. 153–214.

Régi magyar szavak magyarázó adatbázisa. Budapest, 2012.

Sabolová 2004 – *Sabolová-Jelinková P.* Krátky slovník nářečia slovenského – strašćanskoho. Strážske, 2004.

Skok 1973 – *Skok P.* Etimologijski rjecnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1973.

SP – Slovníkový portál Jazykovedného ústavu Ľ. Štúra SAV. <https://slovník.juls.savba.sk/>

SS – Krátky slovník sečovského nářečia. www.sjl.wz.cz/kssn.doc

SSK – Krátky slovník nářečia slovenského spišského : idze ftoškaj, neše coškaj : ako sa rozprávalo v Spišskej Novej Vsi a v Smižanoch / podľa Dr. Antona Kreta. <https://ru.scribd.com/doc/65798377/Spissky-Slovník-Podla-Antona-Kreta>

Tájszótár 1898 – Magyar tájszótár. A magyar tudományos akadémia megbízásából. Budapest, 1898. https://archive.org/stream/magyartjszt01szinuoft/magyartjszt01szinuoft_djvu.txt

Список информантов

ВМ – Валерия Миттл (Юшич) – 1940 г. р., Хрватске Шице, среднее образование.

ГШ – Гизелла Шлоффер (Марич) – 1945 г. р., Хрватске Шице, среднее образование.

ДК – Дьерди Ковач (Хамори) – 1957 г. р., Хрватске Шице, среднее образование.

ЗХ – Зузана Хорват, 1956 г. р. Хорватский Жидан, высшее образование.

КК – Катарина Концер – 1959 г. р., Горни Четар, высшее образование.

МН – Мария Неметова, 1937 г. р., Яровце, среднее образование.

ТФ – Терезия Фейгл – 1955 г. р., Горни Четар / Петрово Село, среднее образование.

ЭК – Элек Концер – 1942 г. р., Горни Четар, среднее образование.